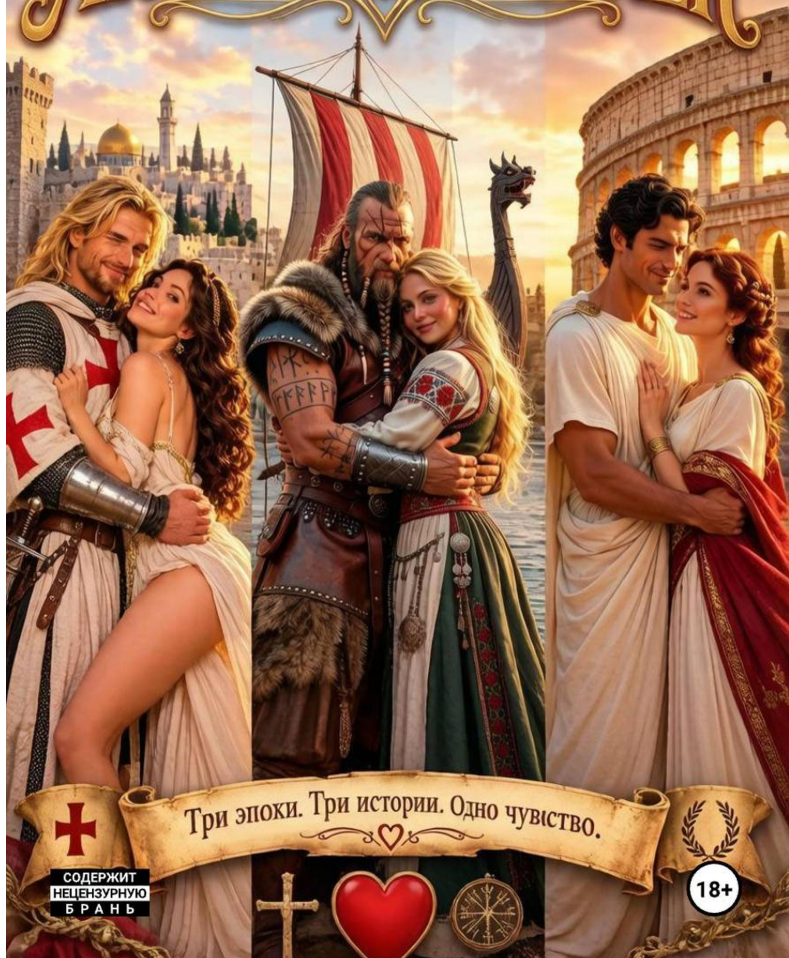

Олег Пантюхов

ЛЮБОВЬ ВСЕХ ВРЕМЁН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Три эпохи. Три истории. Одно чувство.

18+

Олег Пантюхов

Любовь всех времён

<https://litres.ru/74574729>

SelfPub; 2026

Аннотация

Перед вами сборник из трёх маленьких повестей. Каждая из них рассказывает о любви. Эгиля и Сигюн, Юлия и Юлии и Джона с Джоанной. Все эти пары не могут быть вместе, но преодолевают трудности и соединяются. Вот только это не главное. Главное это юмор. На каждой странице вы будете смеяться, я гарантирую.

Олег Пантюхов
Любовь всех времён

Часть 1. Норвежская любовь

Глава 1 Сватовство

Прекрасная Сигюн чистила рыбу, она была дочерью конунга, но всё равно чистила рыбу. Каждая девушка должна чистить рыбу, так говорит Один. Или не говорит, но мама говорит, что Один так велел.

Сигюн чистила и мечтала о том, как в дом отца войдёт самый сильный викинг. Он бросит к трону конунга головы поганных англичан и золото и попросит себе в жёны прекрасную Сигюн. И ничего у неё не прыщавая морда, Хильда всё врёт, она прекрасная Сигюн. Да, прекрасная это хорошо.

И вот самый сильный викинг схватит её своими сильными руками... и что дальше? Надо спросить у кого-то, что бывает дальше обычно. Или нет, нет, не обычно, а всегда. Хильда говорила про это, но так краснела и смущалась, что ничего не понятно. Ай, порезалась, кровь полилась по рыбе. Кому-то повезёт на пиру, ему достанется рыба с её кровью, наверно это что-то значит.

Ай, мама дала подзатыльник, и орёт, что рыба почищена, как попало. Ну её к Локи.

На пиру конунга было весело. Вот только рыбу никто не ел, все ели кабанов и пили хмельной мёд, а рыбу никто. А

нет, Хрольф взял рыбу, что он делает? Плюётся? Вот недостойный сын собаки, как посмел выплёвывать чешую? Надо бы пересесть подальше от мамы.

Дверь в пиршественный зал распахнулась, и вошёл он, Эгиль Скала Гримсон. Самый сильный викинг из всех. Что это он несёт там? Головы англичан и золото несёт. Идёт к конунгу, кладёт всё к трону. Ииии, сейчас он будет просить меня в жёны.

— О, великий конунг, я принёс золото, которое давал ты мне в долг.

— Я больше давал, о, Эгиль.

— Сколько было у поганных англичан принёс я, у них больше не было. Потом ограблю ещё французов, отдам остальное.

— Садись храбрец, ешь мясо и пей мёд, но помни-таки о процентах, которые растут как волна в шторм.

— Я помню, о, конунг Бьёрн Моисейсон.

— Это не имя отца моего, о, Эгиль.

— Да, прости, ошибся.

Сигюн сникла и смотрела, как уносят Хрольфа, что подавился костью. Ох уж этот Эгиль, сломал всю мечту. Что он делает? Берёт рог и пьёт? Пей, пей, не пролей. Идёт, куда идёт? К ней идёт, к прекрасной Сигюн.

— О, прекрасная Сигюн, прими мой дар. Вот голова английского епископа.

— О, какой дар, я повешу голову над своей кроватью. Или

что мне с ней делать? А нельзя обменять её на ожерелье?

— Воистину ты дочь отца своего. Я принесу тебе ожерелье, когда убью побольше англичан. Но скажи мне, хочешь ли ты стать моей женой?

— Хочу. Ой, то есть я подумую. Хотя ладно, хочу.

— Тогда попрошу я отца твоего, конунга о том?

— Да, проси, о, Эгиль.

Вышел в центр зала Эгиль и просил в жёны прекрасную Сигюн. А конунг отвечал ему.

— Нет, не отдам я тебе в жёны прекрасную Сигюн, о, Эгиль.

— Почему, о, конунг?

— Ну, потому что ты ебанутый, о, Эгиль.

— Какие ваши доказательства?

— Недавно встретился ты с Гуннаром Мохнатым в лесу.

— Такое было, о, конунг. Но что с того? Все мы встречаем друзей и родичей в лесах. Ибо лесов много у нас, а всего остального мало.

— А то, что ударил ты его секирой.

— Забавы воинов жестоки, мы бьёмся, потому что кровь кипит. Он бил меня мечом в ответ.

— О да, а потом бросил ты свою секиру.

— Так было.

— И загрыз его зубами.

— То были волки.

— Я отличаю клыки волка от человеческих зубов.

— Может это прохожий берсерк напал на Гуннара.

— То есть не твой зуб вынули мы из шеи Гуннара?

— О нет.

— Так улыбнись тогда.

— Я клятву Бальдру дал не улыбаться.

— Доказать и требовалось что.

— Так знай, о, конунг, что я не оставляю своего желания.

И получу прекрасную Сигюн.

— Отдам тебе её. Как только ты докажешь, что не ебанутый.

— А как мне это сделать?

— Плыви на драккаре в Англию и завоюй земли, но не твори херни при этом.

— Хмм, как трудно. А что считается хернёй?

— Ну, вот складывать из убитых англичан гору выше крепостной стены, чтобы насать на обороняющихся с неё, считается хернёй.

— Так трудно будет мне исполнить это, но я справлюсь, о, конунг. Все слышали твои слова и мои.

Глава 2 Англия и рыба

Море бушевало, Эгиль Скала Гримсон стоял на носу драккара. Скальд Свен подошёл к нему и вздохнул.

— О, Эгиль, чело твоё хмуро. Думаешь о чём ты так су-рово?

— Думаю, стоит отлить ли.

— Скажу, не надо.

— Отчего ж, о скальд?

— Ведь ветер дует в нос драккара, опасное то дело. Будешь пахнуть как француз.

— Тогда не стану. Сложи-ка вису, Свен и отвлеки меня от мыслей о великом, и о том, что нельзя делать, когда ветер дует в нос драккара.

— Хорошо, о, ярл. Кхм, хм, Буря мглою небо кроет, а нет, чёт херня какая-то.

Но тут с вершины мачты заорали, — Английская земля, её я вижу. О, вижу я монастыри, что полны златом, о, баб румяных вижу я.

Эгиль обернулся, — Ты видишь это всё, о, Бьярни?

— Эээ, ну, нет, я как бы знаю, что это всё там есть и потому говорю, что вижу я...

— Понятно.

— Вижу...

— Хватит.

— Ладно.

Могучий Эгиль Скала Гримсон смотрел с носа драккара на английский берег. Сам Один ведёт его к победе, однако осторожным нужно быть, ведь есть условие. Сам конунг повелел не творить херню, а это трудно. Не сказал точно конунг, что именно посчитает он хернёй, дал лишь пример размытый. Негоже так, ну кто из храбрых викингов не складывал убитых англичан горой? Так все поступали многие года.

Драккара нос наехал на песок английский и Эгиль шлёпнулся на берег, вскочил он грозно и оглянулся зорко, не видел ли кто позорного падения. Никто не видел, все смотрят в небо, а Бьёрн на горы высоко направил взор. То хорошо, негоже викингу валиться на песок.

Но что там вдалеке? Стучат копыта? Наверно лорд английский армию прислал, чтобы сражаться не на жизнь, а насмерть. Нет, едет одиночка без доспехов. И храбро едет прямо к Эгилю он в руки. Ну, хорошо же, устроим мы приём весёлый. А нет, не устроим, творить херню нельзя же. Что он там хочет? Что-то говорит.

— О, Эгиль Скала Гримсон...

Меня он знает, откуда бы такое?

— ... и спрашивает лорд тебя про то.

— Про что?

— Какую гору золота готов ты взять с него, чтобы убрался ты отсюда сразу, не проходя вглубь Англии совсем.

— Трусливый лорд твой! Раз не хочет он выйти в бой,

скрестить мечи и показать врагу зимуют раки где.

— Нет, он не трус, и он скрестит мечи с любым врагом. Но вот тебя именно он спрашивает, сколько?

— Узрите боги, и ты Фрейя особенно узри, враги признали полководца Эгиля бесстрашного и хитрого и умного премного.

— О нет, не в этом дело, Эгиль. Ну, просто ты творишь херню.

— О, что за злой рок?! Вы сговорились что ли? И ничего я не творю.

— А кто напал на монастырь святого Марка? Кто всех служителей покрасил в цвета флага, а жопы их в зелёный? А кто пустил их ночью голышом и с факелами в Йорк?

— Я пьян был, этого не помню.

— А йоркцы понят, так что цену назови, я жду, о, Эгиль. Прекрасная Сигюн солила рыбу. Ведь каждая жена должна уметь солить селёдку, чтоб муж и дети её ели в зимние морозы. Должна, так Один говорит. Ну, или не он, а мама. Ох, вот она пришла, задрала. Скорей бы Эгиль храбрый уж явился и забрал её к себе бы. Чтобы могла она все дни лежать в мехах, а рыбу, чтобы чистили служанки и солили.

Ай, соли пересыпала немного, вот так всегда, проклятье. Ох, нет, ругаться не пристало, а то услышат боги. Услышит Локи страшный и явится он к ней, чтоб соблазнить и надругаться. Или не явится, не знаю, так мама говорит мне. Проверить что ли? Вот проклятье говорю я Локи, вот проклятье!

Ай, больно, мама подзатыльники даёт неплохо. Башка гудит как чан чугунный.

— Сигюн, какого опять хрена?!

— Что хочешь ты, о, мама?

— Какого хрена в бочке соли больше чем селёдки?

— Просыпала немного.

— Прибить тебя мне может?

— А может быть не надо?

— Ну, может и не надо, но соль ты вынимай, она огромных стоит денег. А думаешь, легко они даются?

— Я думаю, нетрудно. Ну, поплыл, пограбил, убил епископа другого. Что трудного?

— Я дам тебе по шее!

— Я вынимаю соль.

Ушла, ну, наконец-то. Как Эгиль там любимый? Наверно Йорк уже разграбил и убил всех, ну, хоть бы в гору трупы англичан не собирал. Умру я если папа, вдруг, ему откажет. Воткну себе я в глаз кинжал и буду мёртвою лежать. Что? Опять припёрлась мама, орёт, чтоб сельдь я не солила своими горькими слезами. Но разве так вкусней не будет? Ушла, ну, наконец-то, и всё же, как там Эгиль? Убил епископа наверно. Ах вот бы сбежать на драккаре и поплыть к нему в Англию. Ему бы был сюрприз, наверно на войне не солят рыбу, иначе это чёрт-те что, а не война.

Вот завтра отплывает драккар в Ирландию, и это уж наверно близкок Англии, ведь там всё рядом. Бежать на нём

мне что ли. Переодеться кем-то надо. Одним из викингов возможно. Вот так и сделаю, ведь на борту драккра уж верно тоже не солят рыбу, иначе это не драккар, а чёрт-те что. Всё, решено, бегу к любимому. Ай, больно, — Мама, ну что опять такое?!

Глава 3 Вопросы воинов, открытия Сигюн

Эгиль Скала Гримсон вёл своих воинов вглубь Англии. Курьер, разрубленный, на триста сорок девять маленьких английских кусочков был разбросан по пляжу. Воины поклялись, что про эту маленькую, сотворённую Эгилем херню вообще никто и никогда не узнает.

Идём сквозь страшный бурелом врагам навстречу. Хотя, кому я вру, какой тут бурелом, один кустарник, как они вообще живут тут без деревьев? А вдруг понадобится воину согнуть два ясеня, чтобы привязать к их верхушкам врага за разные ноги? А ясеней и нет. Но нет, прочь эти мысли, я дал клятву, Скальд говорил, что это тоже считается хернёй.

Вот поселенье, малая деревня. Нет рва и нет стены. Ну, что за хрень?! Как стать великим ярлом, прославленным в веках, если даже не сопротивляется никто?

— Эй, воины, пред нами замок.

— О нет, деревня.

— Огромный замок, говорю тебя я Сигурд, не спорь тут с Эгилем. Возьмём его мы, стену перепрыгнув.

— О, ярл, вопрос имею я.

— Ты кто?

— Я Хрольф, что прозван Костоломом.

— Какой вопрос, о, Хрольф?

— Поклялись мы херни тут не творить, так вот вопрос, хватать английских баб и трахать, относится к херне?

— О, скальд, вопрос у нас тут важный, помоги ответом.

— О, Хрольф, скажу тебе я так, что трахать баб английских то естественно, и не является херней. А вот собрать на площади монахов, построить их в шеренгу и трахать баб на их глазах по очереди всех, уже расценивается как настоящая херня.

— Я понял тебя, скальд. Благодарю.

— А вот я воин Скидульф, вопрос имею тоже. Скажи, о, скальд, считается ль херней отъём богатств у англичан?

— О, Скидульф, так скажу, забрать всё золото не херня. Но вот заставить голых англичан нести к твоим ногам золотые вещи, восславляя Скидульфа Пешехода, как властелина мира, уже херней зачтётся.

— Я понял скальд.

— Всё? Вопросов больше нет? Возьмём же замок.

Прекрасная Сигюн лежала под тюками, пробравшись на драккар. И было всё почти прекрасно, но под тюками была рыба, что воинам в еду нужна и это было горько. Видно Сигюн от рыбы не спастись.

Но вот драккар отплыл, и ветер сильный в парус дул и пели викинги... про что-то. Слов таких Сигюн не знала, что звучали в песне, но было очень интересно.

Ох, прошло часа четыре, всё тело затекло и воняет рыбой.

Пора уже бы вылезти отсюда. Лезу, нет, не лезу, всё тело затекло. Никак не выбраться, я кажется здесь сдохну и любимый Эгиль не получит свою прекрасную жену. Он будет плакать, убиваться будет, страдать... Что это? А, тюки раскидали в стороны храбрые воины, видимо заметили шевеление. О, брат Рагнар, привет.

— Сигюн?! Как оказалась ты тут?

— Я спряталась под тюки, чтобы поплыть к любимому.

— Он в Англии, Сигюн. А мы идём в Ирландию.

— Ну, там всё рядом же.

— О боги, о, Бальдр, о, Фрейя! Что скажу я папе, то есть конунгу? Как не узрел я сестру свою под тюками.

— Потому что я лежала тихо.

— Молчи Сигюн.

— Не затыкай мне рот, Рагнар. Лучше скажи, где тут уборная? Уже хочу пойти туда я.

— Это драккар! Везде, Сигюн!

— Везде? Это как так?

— Это в океане, Сигюн. Как думаешь, ты, почему дев не берут на драккары? Уборных нет здесь вовсе.

— Дааа, это предательство богов, не скажешь лучше.

Как неудобен простой драккар, ну, кто бы знал. И хорошо как, что капитан здесь Рагнар, брат мой, что может воинам сказать, — «Смотрите в небо и не смотрите на драккара борт, где вовсе не сидит сестра Сигюн»

Но зато здесь нет рыбы, нет, рыба есть, но её нужно толь-

ко есть, она уже почищена, посолена, ты только жуй. И что-то холодно так стало, все викинги одеты в шкуры и оленью кожу, и никто в платье, как Сигюн. А ветер дует всё сильнее, и брызги мочат мне подол.

Но нет, всё это лучше всё равно, чем чистить рыбу. А это что, акула за бортом? О боги, надеюсь, я, её не надо чистить. А, её не ловят, просто убили гарпуном. Ну что ж, всё хорошо, конечно, кроме шторма.

— О, брат, Рагнар!

— Оставь меня, Сигюн, я зол и не желаю тебя слышать.

— Ты можешь и не слышать, но найди мне шубу и моржовые штаны.

— Драккар, Сигюн, не безразмерен. И всё пространство занято едой, водой и прочим важным скарбом. И ни кусочка дна не занято штанами, что будут выданы Сигюн.

— Ты злой!

— Ага, а ты полна добра, что уже третий раз отправила за борт.

— Мне холодно, Рагнар!

— Вот, на медвежью шкуру, и отстань, я слышать не хочу твой голос, Ирландии до самой. Сам Локи будто вселился в эту девку. Спаси нас Тор.

Глава 4 Насилие и грабежи

Проснулся Эгиль Скала Гримсон утром и увидел небо, ибо спал он посреди дороги в луже и вонючей жиже.

Что же случилось вечером, что сплю я не в кровати лучшей, а в говне? Ах да, мы захватили замок, что притворяется деревней..., а дальше я не помню, лишь помню я, что бочки мы нашли с вином.

— Эй, скальд, скажи мне что случилось?

— Случилось много Эгиль Скалагрим.

— Подробнее прошу.

— Ну, захватили мы деревню...

— Замок!

— Замок. И нашли вино.

— Это я помню.

— А потом творили вы херню.

— О, вот проклятье! И сильную херню?

— Порядочную, Эгиль.

— Так не щади меня и Расскажи.

— Ну, Хрольф решил насилловать всех женщин.

— Так.

— Но так как всё вино уж выпито давно, вы перепутали немного.

— О боги! О, Бальдр! О, Хелль! Забери эту проклятую деревню!

— Да, вы перепутали немного.

— А женщины?

— Сбежали.

— Пойду я сброшусь с колокольни.

— Тогда в Вальхаллу не возьмут.

— Тогда хоть похмелюсь.

— А нечем.

— О, будь проклята деревня. Соберу воинов и поклянёмся, что не узнает никто про херню эту.

— Сходи, о, Эгиль.

Плывём мы на драккаре третий день

И вижу только волны

Плывём мы на драккаре четвёртый день

И вижу только волны

Плывём мы драккаре пятый день

— О, сестра, прерви свою ты песню, я прошу.

— Почему же?

— Воины уж вешаются с тоски от неё.

— Я тоже вешаюсь с тоски, я вижу только волны. Как ходите вы долго на драккарах? Ведь это ж тоска дикая, ужасная тоска.

— А ты займи себя трудом полезным.

— Нет, я не буду чистить рыбу.

— Мы не ловим рыбу, возьми весло и погребь.

— И варианты это все твои?

— Ну, как бы на драккаре мы. Тут многим не займёшься, можно грести, а можно спать.

— И так я сплю всё время.

— Тогда гребь.

— Спасибо не хочу.

— Спой воинам сагу.

— Я ведь не скальд, я могу спеть, как чистят рыбу.

— Не надо, и так тоска. О, я вижу берег, это Франция.

— О, рада я! Что будем делать?

— Можно пограбить, а если много там солдат, тогда по-торговать.

— Пограбить лучше.

— С этим все согласны.

— Пойду я с вами, дай мне меч и щит.

— А меч держать умеешь ты?

— А тут нужны особые умения? Как бы сжимаешь рукоять и всё.

— А бить ты разве сможешь?

— А тут, какая хитрость? Я была колотилкой для белья, кривого Харальда, когда за зад меня хватал он, да сильно так, что он теперь дурак.

— Я Харальда знал долго, он был дурак и до того. Но драться трудно, строй держать щитов.

— Стоять там надо рядом всем друг с другом, держа щиты. Уверен ты, что тут нужны особые умения?

— А хрен с тобой, иди куда захочешь.

Вот высадились мы на берег Франции прекрасной, идём уже часа два кряду. Тоска тут тоже, ибо нету ничего. И викингом тоскливо быть. И снова надо мне в кусты сходить, а эти чурбаны идут без остановки.

Что там? Деревенька? Ура, хоть что-то. Что там происходит? Все бегают, орут, шумят, вот дурачье.

О, все бежим вперёд, и грабим. Альвейгер вот схватил капусту, а нахрена она ему? А, больше нечего хватать. Что за деревня? Кроме капусты нету нихрена.

А нет, Ингвар нашёл корову, зачем схватил? Она в драккар не влезет. Вот бросил, бабу теперь взял. Поближе рассмотрел... и тоже бросил. Одна печаль, судьба видно такая, тоска преследует меня даже во время грабежа.

Глава 5 Херню мы не творили

— Плывёт драккар по моорюууу и Сигюн виинидит воол-ныыы...

— Сестра, прошу тебя, заткнись родная. Итак, все злые и в тоске.

— Разве вина Сигюн, что мы награбили капусты вместо золота? О нет, вина то командира, зачем повёл Рагнар туда нас, где богатства нет?

— Сестра, ты хочешь, чтобы воины устроили хайвай? Они тебя послушают, подумают и скажут, права Сигюн, Рагнар — дурак, давайте его бросим в море, Сигюн назначим главной и Один нам пошлёт удачу.

— Не бойся брат мой, не подумают они о том.

— Уверена ты в этом? Почему?

— Умели бы коль думать эти парни, уже б направили драккар туда где золото.

— Молчи Сигюн, вот Хрольф уже тебя услышал.

Подумаешь, услышал Хрольф, и что с того? Что там? Залез на тюки и орёт, что Рагнар невезучий? Ну, он и правда невезучий, иначе бы была б там не капуста. Вот Олаф говорит, о том, что Сигюн знает куда плыть, и говорит, что надо бы её назначить главной. И что в Ирландии нет ничего кроме картошки. Кричат её Сигюн взять капитаном.

О, вот Рагнар залез на тюки, Хрольфа он столкнув, и го-

ворит, что это невезенье всё козни ведьмы. Угу, кого же интересно он объявит ведьмой? Быть может Олафа Большого? А вот и Хрольф снова кричит, что Один нам велит сменить Рагнара. О, вот зовут Сигюн, уже пришли, подняли, поставили на тюки.

— Скажи Сигюн куда нам править. Туда, где злата много.

— Все знают, что всё золото в столице Англии хранится. Туда нам надо править. Что ты орёшь, Рагнар там?

— Ору я вам, что Лондон, это вам не бухта в малом фьорде. Это огромный город, где тысячи людей живут и стражи много.

О вот уже и стало интересно, тоска ушла теперь Сигюн ведёт дружину. Что там Рагнар орёт? Что так нельзя и он сын конунга? И что же? Я тоже конунга... почти что сын. Какая глупость, разделять людей по полу, кстати. Вот чем Сигюн хуже Рагнара? Ну, у неё, конечно, нету хрена, но разве это так уж важно? Сигюн ведь тоже может отдавать приказы.

— О. воины, мы все идём на Лондон!

Орут, что мудрая Сигюн ведёт к победе. Ну, это правда, так и есть, веду. Там заодно и Эгиля мы встретим, придёт он Лондон разрушать, а там сидит его любимая Сигюн, вот удивится он и будет рад премного. Рагнара слушать мы не станем, иначе снова заведёт в капусту.

Идёт на Йорк моя большая банда... дружина, я хотел сказать дружина. Идёт, несёт большие брёвна, чтобы построить

там осадные нам башни, чтобы построить каменёты, а во- все и не для творения херни. Нет, мы херню творить не ста- нем. Не станем, я сказал, не будем. И вовсе я себя не убеж- даю, а просто говорю об этом как нормальный воин. То есть нет, не как, не как, а я нормальный воин, тьфу блин, мне на- до выпить.

— О, ярл великий.

— Чего тебе, о. Гуннар?

— Мы пришли к городу Йорку.

— И что ты хочешь от меня в ответ услышать?

— Ну, будем мы впадать в безумье? И, типа, лезть на сте- ны, которые до этого мы подожгли?

— Всё это глупо, Гуннар. И каменные стены не горят.

— Но ты так лично делал сам, когда мы брали Лангедок. И там горели стены.

— И что? Не мог я повзрослеть? Исправиться? И не тво- рить херню?

— Ну, мог наверно.

— Вот и всё, о, Гуннар. Ступайте скучно строить каме- нёты.

— И что, хмельного мёда ни глоточка нам не выпить? То- гда нас проклянёт... да боги скопом все вообще.

— Даа, такого допустить, конечно, мы не можем. Ну, по глоточку мёда можно выпить.

— Ура, пойду, открою бочку.

Проснулся Эгиль и узрел тяжёлым взглядом, груди разва-

лин странных. Что здесь случилось? И почему я сплю опять на куче лома? А не в кровати лорда-мэра Йорка? А Йорк где делся?

— О, скальд, скажи мне что случилось? Где жители все Йорка, коих мы пленили, и где те стены, которые вчера мы брали?

— О, Эгиль, стен нам больше не увидеть, они все как бы тут.

— Где тут? Смотрю во все глаза я.

— Ну, вот же, грудями лежат.

— И что же с ними стало? И что вчера случилось? Я что-то позабыл.

— Вчера вы долго пили перед штурмом, ковшами потребляя хмельной мёд.

— Это я помню.

— А потом в ужасной ярости своей на стены лезли, били англичан, они же падали со стен.

— Их аккуратно мы обыскивали, забирая золото? Ну, а потом их отнесли подальше мы от стен? Скажи, что было так.

— Хмм, так бы и было, но нет, не так. Вы трупы англичан пробили и продели на канат как бусы.

— И нахуя нам это было надо?

— Ну, ты сказал, что это им английская гирлянда.

— Я что, опять творил херню?

— Назвать так можно это. Потом ваш мёд закончился, а вы ещё хотели.

— И в ярости мы стены разметали, чтобы добраться до английского вина?

— О, если бы, о, Эгиль. Нет, тот воин, Бьёрн Безумный.

— И что он?

— Сказал он, что владеет он секретом, как стеночку любую разломать. Что нужно лишь найти то место, которое как пятка Ахиллеса, достаточно лишь пальцем ткнуть в него и стенке всей каюк.

— Похоже на херню.

— Похоже. И вот весь Йорк смотрел, как Бьёрн ведёт вас вдоль стены, постукивая молоточком.

— Весь Йорк?

— Смотрели все, но Бьёрн не выстучал местечка, схватил секиру он и в стену долбанул, и вот о чудо, рухнула она, видно он всё-таки не врал. Вы так от этого все воодушевились, что бросились на город и по системе Бьёрна все дома снесли.

— То есть творили мы херню?

— Отборную, о, ярл.

Глава 6 И монастырь, и Лондон

Вот мудрая и храбрая Сигюн ведёт бесстрашных викингов на Лондон. Ещё бы не было так холодно везде здесь. Где моя шкура от медведя? Вот так теплее будет мне. Хотя, наверно я негрозно выгляжу закутанная в шкуру, или наоборот внушаю ужас как медведь?

Что там? Рагнар пришёл и что-то говорит, завидует наверно.

— ... и что же будет делать мудрая Сигюн?

— Что делать? Ты о чём, Рагнар?

— Вон Лондон, прям на горизонте.

— Отлично это, мы туда иплыли.

— А мудрая Сигюн не хочет присмотреться к порту?

— Смотрю, хороший порт.

— Большой, огромный порт. Там тысячи людей.

— Ты если что-то прямо хочешь заявить мне, то говори, намёки эти брось.

— О, Бальдр, за что ты так со мной?! За что ты сунул эту девку в мой драккар? О, Хеймдаль, забери меня в Биврёст, валькирии, возьмите меня в небо, чтоб не смотрел на это я.

О, тучи разошлись. Валькирии летят? А нет, насрала чайка на причёску. Все знают, это к счастью и богатству. Сказать ли речь для воинов? Скажу пожалуй, залезу только я повыше. Ай, блядь, как неудобно тут стоять, ещё и полностью в

медвежьей шкуре.

— Итак, храбрые воины! «Да, это хорошее начало» Мы пришли в Лондон, где нет капусты, хотя не поручусь за это, но нет, капуста есть наверно, но богатства тоже. И мы их заберём, а брата, что просит Один убить его, стоя в углу, не надо слушать. «Так, что я говорила? А да, я про капусту» Капусты нет там «Сука, повторяюсь» Короче, грабить Лондон, намного интереснее, чем чистить рыбу. Я говорю вам это, потому что знаю. Пойдём туда и всех ограбим, и в жопу эту гадкую селёдку.

Кричат ура и восхваляют мудрость, прекрасны речи умненькой Сигюн. Берут щиты, мечи и копья, я тоже прихвачу, чтобы пронзать врагов. А чёта дохрена копьёцо весит, да ну его возьму я только меч.

— Рагнар, ну хватит звать Ёрмунганда, чтоб съел тебя он срочно. Смотри как рады все, готовы идти в бой. Возьми и ты меч.

О, как-то он недобро смотрит братец, неважно, главное чтоб бился хорошо. Драккар вошёл в портовый док, ура приплыли.

— За мной, о, храбрецы!

Два грузчика, что в лондонском порту, смотрели удивлённо на толпу в доспехах и один сказал: — Смотри-ка, Бэнни, кажись, викинги напали.

— Да точно, обалдеть, а почему всего один корабль?

— Не знаю, эти самые озверелые наверно.

— Они что, хватают бочки? А зачем?

— Наверно сами рыбы наловить не могут.

— И выбивают у бочонков дно. Как будто ищут в них не рыбу.

Да что же это за злой рок? О бедная Сигюн, от рыбы не уйти ей. Идёт Рагнар, чего он снова хочет?

— О, мудрая Сигюн, а что ждала в порту ты? Это как бы порт, тут рыба в основном.

Да пошла эта рыба в жопу, они ответят мне за всё. Ответит кто? Да все, король английский точно.

— О, воины, тут рыба (чтоб её Один проклял), но золото не тут. Эй ты, поганый англичанин.

— Да мисс.

— Где у вас золото?

— Да хрен знает, у короля наверно.

— О, воины, из достоверного источника, вдруг стало мне известно, что золото всё у короля. За мною храбрецы идите, мы всё возьмём себе... не рыбу.

Разрушен Йорк, где мы херней не занимались вовсе, готовы в этом мы поклясться. Идём мы дальше, о, да, у Эгиля получится большое королевство. Что там такое? Снова монастырь? Да что ж их много-то тут так?! Но тоже хорошо, в монастыре всегда вино, и золото бывает, если не пропил его

викарий, что также происходит повсеместно.

— Эй, воины, штурмуем по всем правилам мы стены. Херню мы не творим. Нет, Гуннар, никаких вопросов, по правилам сказал я вам и слово моё твёрдо.

Вот так вот, всё идёт как надо, взбираются бойцы по лестницам, осадные все катят башни, и не нарадуется глаз, картине этой. — Эй, Сигурд! Ну, какого хрена ты отрубил башку монаху, нассал в неё и за стену её ты перекинул? Мы ж не творим херню.

— Прости, о, ярл, я позабыл.

Вот как приятно видеть, как камнемёты мечут камни, чтобы пробить ворота и ворваться в замок. — Эй, Скидульф, ну, какого хрена? Зачем ты в камнемётные машины загрузил из нужников навоз? Теперь весь монастырь так провоняет, что золото не сможем унести, так и несёт говнищем. Мы ж не творим херню!

— Прости, о, ярл, я позабыл.

— Вот как приятно видеть, стену щитов, идущую в разлом, что пробил головой Хрольф Костолом, ну, ладно. Скажем, что это вид такой тарана. Итак, стена Щитов идёт в пролом, прям глазу счастье. — Эй, Бьярни, ну, какого хрена? Зачем вы члены светите им в промежутках меж щитами? Что? Что? Завидуют они вам? Да они ржут. Что? Тоже хорошо? Вы перебили их, пока они смеялись? Ладно, мы скажем, что это хитростью военной победили. Охо-хо, ну и задачку задал конунг, пробери его понос.

Глава 7 Как смели вы творить херню?!

Стою, прекрасная Сигюн с мечом в руке, я во главе дружины. И вижу рыбу! За что, о, Вэльвы, сплели вы так мою судьбу? Вы там наверно ржали, когда меня пустили в Лондон и сунули в нос снова рыбу.

Но нет, не буду я сидеть и плакать. Что слёзы уже льются из моих красивых глаз? Враньё, морские брызги на лице моём, не слёзы.

— О, воины, мы не смиримся с рыбой, вставай стеной щитов, идём вперёд.

Идём вперёд всех мы в капусту рубим, а нет, не рубим, убежали. Стоят сверху и смотрят, ухмыляясь. Вот сволочи. Тогда порубим сходни, порубим пирс и пустим ко дну судна. Что кораблей нет? Что за великая столица? Одни лишь утлые лодчонки. Ну, пустим их ко дну.

Идёт поганый англичанин, что хочет он, священный хольмганг? А нет, меча он не несёт. Походит и бубнит мне что-то.

— Чего ты хочешь, англичанин?

— и хватит рубить пирсы.

— А кто нам помешает?

— А совесть не мешает вам приплыть куда попало и портить людям порт?

— Мне совесть не знакома, её украли РЫБА!

— А что хотели вы в порту, если не рыбы? Тьфу. И сам уже так говорю, как вы.

— А мы хотели злата!

— За этим надо в банк.

— Он нас не хочет слышать, викинги, рубите пирсы.

— Стоять, не надо. Вином возьмёте?

— Вином возьмём мы, воины мои?

Ну вот, и в Лондоне нет злата, взяли вином и сыром, всё погрузили на драккар. Отплыли, тут тоже скучно, и воняет рыбой. О боги, Один, Тор, за что мне эта рыба? Ладно, есть вино. Эй, воины, откройте пару бочек, проверить надо хорошо ль вино. О, повезло, вино хорошее и согревает мощно.

Ох, что-то голова болит, и вообще всё болит. И почему все спят, а драккар сам плывёт? Мы вообще где? И кто все эти девки?

— Рагнааар?!

— Чего тебе, сестра?

— Ты можешь рассказать мне, что у нас случилось?

— Как что, вино случилось, пили все.

— А что это за женщины в драккаре?

— Ну, бочке примерно на десятой, Хрольф заорал, что девок не хватает. И надо бы их где-нибудь добыть.

— Я приказала этого не делать?

— Нет, ты орала дааа, пристанем к берегу и наберём в

ближайшей же деревне.

— А мне они зачем?

— Когда спросил тебя об этом я, сказала ты, чтобы не лез я к ярлу, с вопросами тупыми.

— И мы пришли в деревню, похитили там жён и дочерей, не глядя на мольбы и слёзы их?

— Ну, как бы нет, они капусту побросали и спрашивали только, есть ли там ещё вино.

— А что это за свиток прибит к мачте?

— О, это твой указ. Вчера ты отменила рыбу.

— Это как?

— Не знаю, но было очень всё торжественно. Держали факелы все мы и пели гимны, ну, а потом поставила на документ свою печать ты.

— Печать? Какую?

— Никто не знал, где ты её взяла.

— Угу, я отменила рыбу.

— Ещё капусту, теперь запрещено расти ей повсеместно.

Напрасно папа запретил тебе пойти за Эгиля женою.

— И почему ты так решил?

— Вас боги создали как пару, это видно.

Великий Эгиль взял себе земли безмерно, и будет конунгом он здесь. Прекрасную Сигюн возьмёт он в жёны и станет он со временем всей Англии владыкой. Но англичане злы и не хотят делиться, вот армия явилась, наконец.

Теперь уж Эгиль победит, прославит своё имя, не творя херню. Он лично обошёл всё своё войско и говорил он с каждым воином отдельно. И каждому он долго сообщал, в бою, что точно является хернёй. Сказал он каждому, смотри, о, воин, не грызи щита, и хер врагу, штаны снимая, не свети, и многое и многое другое.

Вот англичане выстроились и идут в бой, сейчас эпично победим мы, разобьём их мы стеной щитов. Какого хрена там, на поле происходит? Что там такое, что я вижу? Шотландцы что, свои задрали юбки и жопы нам свои суют, прям, в рожу?!

Чтоооо?! О, боги, о, Бальдр, о, Один, смотрите, увидите это безобразье. Ну, видят боги, я старался, но терпению викинга предел есть. Всё, вы сами напросились.

— Эй, Скидкульф, тащите камнемёты, заряжайте их навозом, да повонючей. Эй, Сигурд, руби им бошки и швыряй в ряды их. Эй, Гуннар, тащи с вином бочонки по рядам бойцов. Эй, воины, снимай штаны, пусть видят, что ждёт всех тех, кто смеет пренахально, творить херню пред ликом Эгиля Скалы!

Случилась битва страшная на поле, полны овраги трупов англичан. Валькирии! Наверно снова ржали сверху, смотря на Эгиля бойцов. Ну и хрен с ними, пусть ржут, если угодно им. Мы победили.

Глава 8 Меч в камне, морской змей

— О, Эгиль Скалагрим, у нас проблемы.

— Какие же, о ярл?

— Один колдун, из англичашек, воткнул волшебный меч в огромный камень.

— Пока не вижу я беды.

— Воткнул сквозь наковальню.

— Он идиот, что ли?

— Нет, просто хитрый хрен. Тот меч извлёк парнишка, и его называли королём.

— Хоть императором, я тут причём?

— К нему мгновенно рыцари слетелись, там Галахад и Ланселот. Они все знамениты. Вот Галахад, он например, пошёл в поход, убил там брата, потом убил он короля, что Рыбаком зовётся, и был Рыбак сам родным дядей Галахаду, потом он спас деревню, только все жители его проклинали и чтобы избежать проклятья пошёл к волшебнице Моргане, храбрый Галахад...

— И это я творю херню?

— Ну, я говорю тебе, то, что все знают, и без своей оценки субъективной. А Ланселот ещё страшнее, он отыскал святой Грааль.

— И что это такое?

— Это чаша.

— Я не могу сказать, что впечатлён, любой дурак разыщет кубок, особенно когда похмел тяжёл.

— А есть ещё Тристан, он спёр жену у короля, и убежал с ней. Он скрылся, и его догнали, он всех убил, потом его снова нашли...

— Я думаю, о, скальд они нам все нужны живыми.

— На кой, о, Эгиль?

— Мы их Сигюн папаше отвезём, и пусть расскажут про подвиги свои, чтоб понял старый хрыч.

— О, это мудро. И вот о самом главном, они идут все к нам с войной.

— Три чудика и парень?

— Ну, нет, они собрали войско, и рыцарей там больше.

— И все творят херню?

— Доподлинно не знаю. Но я прошу тебя запреты с войска снять, и самому взбодриться.

— Просить не надо дважды, я уже иду.

— А что жуёшь ты?

— Мухоморы. Там монастырь я вижу?

— Самый он.

— Готовьте камнемёты и навоз и краску. Зелёного побольше цвета, монахи вижу там толсты.

Сидит Сигюн и смотрит горделиво на волны, облака. Разогнала девах к капусте их обратно, ещё бы не болела голова. Идём уверенно по ветру, вдоль берегов английских нам

враждебных. Погано, что-то настроенье, пограбить может нам немного? Да берег как назло пустынен, ни поселения, ни монастыря.

— Эй, что за островок там?

— Это Линдисфарм, там грабить уже нечего давно.

— Всё спрятали?

— Разграбили до нас.

Ох, скучно и противно, вино не буду больше пить я никогда. Поплакать что ли? Что это? Почему потрянуло так драккар? Что там орут? Что это морской дьявол? Чудовище богов? Ёрмунганд? Ну, нет, так не пойдёт, итак башка трещит, а он ещё трясёт драккар, за это он ответит. Ещё одна поганая рыбёха.

— Эй, Хрольф, давай тащи канат, вяжи к нему багор, а на него ... свинины вон кусочек насадите, да побольше.

— Сестра, морских чудовищ так не ловят.

— А как их ловят?

— Ну, обычно воин выезжает гордо, на лодке в море на двобой, и вызывает чудище. И чудище выходит и они бьются. Так Тор пленил Ёрмунганда.

— У нас есть Тор?

— Ээээ, нету.

— Вот и отстань. Кидайте это за борт.

Сидим и ждём поганого урода, что смел трести драккар, когда Сигюн страдает головою. Давай, ловись уже подлец. Что, волны вздыбились и разошлись? И что же? О, змей мор-

ской уж выполз и разевает гневно пасть и говорит, нам что-то?! Вот это да, а что он говорит?

— Сигюн, так демонов морских не ловят! Всё это против правил, и унизительно к тому же.

О, меня он знает. Премудрая Сигюн теперь известна в царстве морских змеев! Хороший подвиг. А что это с бойцами? Стоят разинув рот и смотрят. Что, Одина все поминают и Тора призывают в помощь? Тю, разве это храбро?

— О, змей, ну, нету у нас Тора, чтоб вызвать на двобой тебя на лодке в море.

— Тогда не нужно вам и начинать!

— Скажи, о, змей, откуда меня знаешь? Чего смутился ты?

— Да я признаться уже много дней плыву за вами.

— Ну, расскажи зачем?

— Смотрел сначала я и вас хотел сожрать, потом ты стала капитаном.

— О, да, так было.

— А потом такое началось. Ну, Лондон, там, вино, указы, и похищение английских дам.

— Ага, шалав.

— Угу, ну вот смотрел на всё я.

— А зачем?

— Да я, признаться никогда вот так не ржал.

Глава 9 Встреча

Вот наш драккар идёт вдоль берега британцев и скучно мне, прекраснейшей Сигюн. Унылые селенья, в которые идти нет смысла, ибо там только рыба и капуста, иногда репа. Может и репу запретить указом? Ну, интересно, откуда я взяла эту печать? Но что там происходит? Наконец-то что-то интересное на берегу.

Кажется, будет битва, но кто с кем биться будет?

— Рагнар иди сюда брат мой.

— Чего тебе, сестра?

— Смотри, там битва. Попробуй разобраться, кто там решил поубивать друг друга.

— А ты решила в битву ту вступить?

— Узнать хоть, для начала.

— Ну, вижу я штандарты королей английских.

— Логично, это ж Англия.

— А вот напротив... я что-то не пойму.

— А что там?

— Да там вместо штандарта женские трусы. И розовые в рюшах.

— О, это мой любимый Эгиль.

— Ну, да похоже на него. Пристанем к берегу?

— И поскорей.

— О, кажется пошло сражение.

— А что там происходит? Не видно мне.

— Ещё бы было видно, ты мелкая как карлик.

— Я тебе не викинг, чтобы сшибать светильник с потолка своею головою. Так что там?

— Да, это точно Эгиль.

— Да говори уже.

— Направил на врага он, монахов, раскрашенных и голых.

— О, мой любимый, такой шутник-затейник. А англичане что?

— Немного охренели, не знают делать что. Монахи добежали, солдаты порубили их на автомате.

— А наши?

— Наши ржут. Теперь... чего?

— Что там?

— Идут по полю красивые драккары.

— По полю? Точно?

— Сам охреневаю, грибы какие для такого надо ж жрать?! Драккары врезались в ряды солдат.

— Всех смяли?

— Ну, почти, с них бросился десант.

— Сильнейшие берсерки?

— Нет, девки без одежды.

— И что же за оружие у них?

— Оружия пока не вижу. Они ... ага, набросились, хватают солдат за... ага. Ну, всё, победа.

— Да что там?

— Казалось, что уже победа, солдаты безоружны и без-
одежны, но рыцари решили идти в бой. Всё нипочём им.

— Тогда идём на помощь.

— Ну что там, скальд? Победа наша?

— Солдаты сдались, а рыцарям всё похер, идут в атаку.

— Хех, не удивлён, у них иммунитет.

— Ага, построились, идут в атаку. Но что я вижу, их отряд
викингов преследует... и догоняет!

— А что тут удивительного?

— Отряд не наш и догоняют пешими.

— Пешком догнали конных?

— Берсерки, слушайте прекрасную Сигюн.

— Мы не берсерки.

— Заткнись Рагнар. Нам конных не догнать пешком и по-
тому все взяли это зелье.

— Это мухоморы.

— Неважно, это зелье.

— От них мы обосрёмся.

— Зато догоним конных.

— Ну, конечно, нам надо будет ведь скорей закончить бой,
чтоб до кустов добраться.

— Ого, догнали рыцарей, расстроили ряды, всех быстро
раскидали и ух, всё, благородные английские дворяне

обесчещены.

— Что, пря вот так вот?

— Ну, нет не так, ну, за кого ты принимаешь наших братьев? Просто они не добежали до кустов.

— Ага, знакомо дело.

— Но кто явился нам на помощь?

— Пойдём, посмотрим.

— Привет вам, храбрецы, кто вы и кто ведёт вас в бой?

— Привет любимый!

— Я слышу милый голос, о, неужели это прекрасная Сигюн? Что за дар богов? Но где же ты? Или это шутки мухоморов и слышу я своё воображенье?

— О нет, любимый, я иду, проклятые грибы, жди.

— Ооо, какая встреча! Любимая Сигюн, пришла в бою на помощь, да во главе дружины. Иди же обниму тебя, моя любовь.

— Услышьте воины песнь скальда Свена, то есть меня. Вот милая Сигюн явилась к жениху, атакою своей решила исход боя. Какая красота до слёз! А нет, это глаза слезятся от последствий мухоморов, идём же братья, подальше, устроим пир.

Глава 10 Пир

Идёт богатый пир, все воины пьют мёд хмельной, а на столах нет рыбы. Об этом позаботилась уж мудрая Сигюн. Тут рыба, отныне, под запретом, капусте тоже вход на пир заказан. Вот это жизнь, вот это то, что нужно. Сигюн сказала, рыбы здесь не будет, и рыбы нет.

И любимый Эгиль сидит рядом, жрёт кабана, держа его одной рукой. Ох, что-то много ест он, ведь это для здоровья не очень хорошо. Но ничего, об этом позабочусь, теперь всё правильно пойдёт, как надо. Вот Скальд вошёл, идёт к стола он изголовью, где сидит Сигюн, а да, и Эгиль тут сидит.

Вот подошёл и вертит головою, смотрит на Эгиля, а следом на Сигюн, опять на Эгиля, обратно на Сигюн.

— Да говори уже, что там. Ты видишь, конунг занят, он пожирает тушу кабана. Жевать и думать в одно время, для викинга позорно. Уж надо выбрать лишь одно?

— Пришли английские крестьяне. Правитель новый Эгиль ведь. Они вопросы к новому правителю имеют, про землю и аренду.

— Веди сюда.

— А Эгиль Скала Гримсон?

— Он кабана убил одним ударом, а потом поклялся Тору, что сожрёт его, в одно хлебало. Нарушить хочешь клятву ты?

— О нет, конечно. Тогда веду крестьян.

Идут какие-то убогие старпёры. Наверно это их старейшины такие.

— Чего вам надо, добрые страдалыцы?

— Хотим узнать, не будет ли аренды и налогов повышенья?

— Не будет.

— Так сказал король?

Что смотрят все они на Эгиля любимого? Он чавкает и льёт в себя вино. И оно льётся с бороды на пол, а куски мяса разлетаются повсюду.

— Не будет, я сказала. Вы слову моему не верите?! За это я вас рыбой накажу.

— Не будет, значит, повышенья?

— Нет.

— А пониженья?

— Теперь я понимаю, с чего бы вашим королям такими быть. Вы просто их достали вопросами тупыми. Какого хрена, их ярлу задавать? Теперь у нас всё будет по-другому. Все станете вы бондами свободными. Вы будете растить пшеницу, разводить свиней и кур. Не верю, говорю, что это я, но ловить рыбу. Только подальше от дома моего. Теперь вы гордые, свободные британцы. Налог с хозяйства будете платить, одну десятую.

— По-божески сие, но только если не учитывать ту десятину, что платим церкви мы.

— Об этом, можете не думать. Все церкви Эгиль раздол-

бал, его я знаю.

— А те, к которым добрый Эгиль не добрался?

— Придёт и их черёд.

— А можно нам самим?

— Ну, нет. Такого обдиралова вам Эгиль не простит. Уже он краску заготовил, так что нет.

— Как скажешь... эээм, королева?

— Ну, пожалуй, да.

Прошло три месяца счастливой жизни. Вся Англия стояла на ушах. Никто не понимал ни беса, что творится тут, но жалоб не было ни разу. Ведь очень интересно стало всем, смотреть на то, что Эгиль Скала Гримсон может натворить. А уж когда включается Сигюн в процесс, там можно делать ставки, никогда не угадаешь.

Вот входит скальд и идёт к тронам, и рожу кислую несёт. Какого хрена ему надо?

— О, Эгиль! То есть я хотел сказать, Сигюн. Пришёл ответ от конунга.

— И что же говорит нам папа?

— О, он очень рад остался, от твоих даров богатых.

— То прекрасно. А он прислал письмо?

— Нет, на словах велел он передать курьеру.

— И что же там в посланье?

— Ну, я вам так перескажу, используя свои слова.

— Да говори уже.

— Короче, он вас благословляет, на брак перед богами.

Да, но приезжать в Норвегию... эээ, как бы не советует.

— Угу, а что сказал своими он словами?

— Ага, цитирую, «Люблю я дочь всем сердцем, она прекрасна и мудра. Люблю и Эгиля, что самый сильный воин. Пусть будут счастливы вдвоём, даю им разрешение, но пусть сюда не едут. Пусть эти долбанутые творят херню подальше от меня»

— Папашины слова я узнаю. И можно было догадаться. А мама не велела ничего мне передать.

— Велела. Но разве в тронном зале можно матом?

— Ну, ты перескажи как скальд.

— О, дочь моя любимая, люблю тебя всем сердцем. Будь счастлива и мудро правь. Люби своего мужа и береги его.

— Угу, я всё перевела, не очень вежливо.

— Ещё велела передать про рыбу.

— Молчи, о, скальд. Об этом тут ни слова.

— Но матушки слова.

— И так их знаю я.

Глава 11 Баррикады

Жуки лезли из земли со страшной скоростью. Они бы сожрали всё на своём пути, если бы им попало что-то.

Кривой заорал: — Не сюда, идите за мной, нельзя залезать на одинокую вершину.

Он был прав, если засесть на высокой точке, умрёшь, жуки будут ждать сколько угодно, им некуда спешить. Поэтому Кривой уверенно вёл команду к группе зданий, они прыгали по кускам стен и обрушенным крышам. Банкет вдруг рванулся вперёд, помогая себе крыльями, и подхватил Петлю. Её нога заскользила и она начала падать, но не упала.

— Смотри под ноги, — сказал лемут и побежал дальше.

Они едва смогли уйти. Кривой знал, что это за твари и как от них спастись, к тому же, он знал и эту местность. Через два часа хода присели отдохнуть.

— Что это за дрянь? — спросил Тесак.

— Плотожоры, до судного дня они, наверно, были нормальными, а теперь стали такими.

— Похожи на муравьёв. Мы видели их на картинке.

— Возможно, я картинок не видел.

Тесак открыл всем консервы. — Ешьте, надо восполнять потерянную энергию.

Кривой открыл свою секретную флягу и отпил, подумал и протянул остальным.

— Я не буду, потом мысли затуманены.

Тесак тоже отказался. Кривой достал и табак, завернул в кусочек бумаги, скрутил выустил клубы дыма.

— Неразумно тратить так бумагу. Где ты её взял?

— Как и всё остальное, нашёл.

— У нас в Легионе делают бумагу, они серая и пористая, писать на ней неудобно. А у тебя белая и гладкая.

— Таковую делали до судного дня, в некоторых местах её огромное количество.

Петля встрепенулась, — Возможно, это архивы. Где это?

— Далеко отсюда и совсем не в той стороне, куда нам надо. Так далеко я никогда не забирался. Мы будем идти ещё четырнадцать дней, придём в район длинных зданий, а дальше я не уходил.

— Ничего, заодно и разведем дорогу, составим карту.

— Если выживем.

— Не надо быть таким пессимистом.

— Это что, какое-то обидное слово?

— Нет, это слово означает человека, который всё время ждёт плохого.

— Понятно, все сталкеры и есть эти... пессимисты. Мы все постоянно ждём беды. Только так можно выжить.

Он поднялся на ноги. Будем идти, сильно не спешите, смотрите по сторонам. Здесь много огнехвостов. С ними никак не сладить, только вовремя спрятаться.

Диедор устало смотрел в небо, краткие минуты передышки. Проклятые лемуны пошли на штурм неделю назад. Они попёрли такими толпами, что смогли преодолеть линию обороны. Но этот прорыв дался им дорого. Весь ров был засыпан телами гориллоидов и кошколоудей.

Там были и другие лемуны, такие, которых никто никогда не видел. Одни покрытые чешуёй, другие вообще с щупальцами. Диедор смог отступить, сохранив армию. Пока они удерживали линию обороны, горожане сделали баррикады. Теперь бои шли на улицах. Людей Диедор приказал отвести подальше от опасной зоны, чтобы гражданские были в безопасности.

— Командир, атака!

Диедор вскочил и побежал за офицером, который его позвал.

— Что там?

— Гориллоиды прут толпой.

— Какой участок?

— На улице Длинной.

Крики и звуки сражения слышали издалека. Диедор бросился в бой. Одна обезьяна упала проткнутая копьём, вторая забрала копьё, оно застряло в её рёбрах. Диедор отрубил лапу третьей, потом съёл голову. Обезьяны преодолели баррикаду.

— В строй.

Подбежали щитоносцы и они построились. Пробить фа-

лангу лемуты не смогли. Диедор сам командовал.

— Шаг. — Кричал он и фаланга продвигалась вперёд.

Обезьяны тоже попытались построиться. Но у них плохо получалось, они были сильнее и опаснее в одиночных поединках. Фаланга прошла катком и раненных лемутов затоптали, добили. Улицу удалось удержать.

— Командир, — подбежал ещё один офицер, — Почти никого на улице лекаря Грайта.

— А что случилось с людьми?

— Там атаквали кошколюди, удалось удержать, но потери большие.

— Пойди во дворец, возьми там двадцать гвардейцев.

Гвардией он затыкал дыры в обороне, пока ещё людей хватало. А потом он увидел строй гвардейцев, они шли к баррикаде. Королева решила посетить его. Она не разрешила поклонов и прочего.

— Диедор, доложи обстановку.

Он всё рассказал как есть.

— Ты понимаешь, что нужно что-то делать? Долго мы так не продержимся.

— Я это понимаю.

— И какие у тебя предложения?

— Единственное, что может нам помочь, это захватить их офицера. Если мы получим от него информацию о них, мы сможем понять обстановку и их слабые места. Пока же я таковых не вижу.

— Допустим, он выдаст нам всё, как это изменит тот факт, что их численность превышает нашу?

— Они не могут иметь бесконечное количество лемутов.

— Хорошо, что мешает нам захватить такого офицера?

— Они все телепаты. Залезают в голову, подчиняют себе. Некоторые даже могут поднимать силой мысли предметы. Один из них так швырял в нас камни.

— Диедор, прошу, придумай, что-нибудь. Нам нужно победить.

— Я поговорю с разведчиками, возможно, подвернётся шанс взять языка.

— Не шанс, Диедор, сделай это, кроме тебя некому.

«Некому» он и сам это понимал, но он не всемогущ. Легко сказать «сделай», а вот сделать на самом деле трудно. Он вызвал командира разведки.

— Энай, мы сможем взять офицера живьём?

Разведчик посмотрел в ответ дикими глазами. Понятно почему. Он тоже рубился на баррикадах, не прерываясь на сон.

— Диедор, ты сам всё знаешь.

— Знаю, но надо. Собери своих парней, я поведу вас сам. Выследим и навалимся большим числом.

— Как мы захватим телепата?

— Они не всемогущие, вырубим и притащим сюда.

— А когда он очнётся? Что будем делать?

— Придумаем, готовься, как стемнеет выходим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.